

Лучшая роль

Анатомия души

В СПЕКТАКЛЕ «Синие дожди» Е. Романенко играет роль сельской учительницы Серафимы Ивановны.

Первое появление Серафимы Ивановны оставляет приятное впечатление. Учительница как учительница. Может быть, только более строгая, чем другие. Поэтому и гоняет мальчишек, не дает им понапрасну носиться по селу с мячом, грозит вызвать родителей.

Маленькая, приземистая, она чувствует себя хозяйкой в деревне, непререкаемым авторитетом. Здесь все знают ее, уважают, ко многим она заходит в гости как своя, близкая знакомая. И привыкла, что ее всюду принимают с открытой душой.

Но вот странно: чем больше вы знакомитесь с ней, тем сильнее притирается ее второе «я» — в коротких фразах, в поступках, в желаниях. И постепенно становится ясно, что для этой учительницы шко-

веревке одежду, оценивая качество и прочность сукна, высказала свои заботы: «Я вот уроки барабанила, а у самой думки: картошка не вся выкопана, сено с лугов не вывезено. Рыжики, говорят, драть появились. Я хоть и засолила банку-трехлитровку, да неплохо бы еще в лес сходить...»

Да, так вот она и живет. Может быть, уже десять, двадцать лет. Барабанит свои уроки. Не ведет, а именно барабанит. Скорей, скорей! Надо ведь еще успеть к соседке в гости, в лес по грибы, за ягодами. А дети, те девчонки и мальчишки, которые слушают ее, которым она должна открывать глаза, учить видеть прекрасное, чувствовать добро и справедливость, — думает ли она о них? Пожалуй, да. Но как? Сухо и казенно. Они для нее все на одно лицо. Где уж ей заглянуть в душу каждого ребенка, узнать о самом сокровенном, отыскать то единственное, что делает его неповторимым, отличает от других.

Трагедия этой женщины (Лиля Романенко играет судьбу именно трагичес-

в силе! Авторитет — вот о чем она печется больше всего. Но это не тот авторитет, который является естественным следствием широты человеческого характера, доброты учителя, его умения почувствовать свою общность с другими людьми. Это тот страшный авторитет, в основе которого подавление всякой индивидуальности, нивелировка человеческой личности, насилие над ней. Не случайно Серафима Ивановна так боится разнообразия в своих учениках: «Как бы за голову потом не схватиться от этого разнообразия!»

Когда вы входите в операционную и видите вскрытый живот человека со всеми страшными подробностями «натуралистический» развороченного организма и в то же время видите, как судорожно и жадно бьется спасаемое сердце, все некрасивое становится прекрасным.

Но когда вы входите в школьный класс, где царит полная тишина (а в классе Серафимы Ивановны не может быть нарушения дисциплины), и вы чувствуете, что это тишина страха и подавленной инициативы, тишина, в которой не слышно беспокойных ударов сердца учителя, — все красивое пропадает и остается лишь ощущение чего-то ужасного, непоправимого.

И хотя в спектакле нет сцен, которые показывали бы Серафиму Ивановну во время урока, мы всем своим существом ощущаем эту обстановку мертвой тишины в классе, где ведет она свои уроки. Потому что актриса раздвинула границы роли и помогла нам заглянуть в самые сокровенные уголки души этой, с позволения сказать, учительницы.

Трагедия Серафимы Ивановны в том, что она осталась, окостенела. Но чтобы скрыть это свое окостенение, она выработала в себе целый комплекс приспособлений. Какой-то инстинкт помог ей найти особый ритм жизни, вселяющий в сознание обывателя иллюзию бурной деятельности. Вот почему она все время куда-то спешит, торопится, старается быть озабоченной, хлопотливой. И вот остановленная жизнь приобретает видимость этого изменения. Это тоже своеобразная маска, которая помогает Серафиме Ивановне выжить.

И когда вы понимаете это, вам становится страшно. И за судьбу этой женщины, и за всех тех, с кем она сталкивается. Как бывает страшно при встрече с опасным хищником.

Сила образа, созданного Лилей Романенко, — в его разоблачительном пафосе. Это тот случай, когда через отрицание утверждается необходимость и закономерность противоположного. Не сострадание, не жалость вызывает Серафима Ивановна в сердце зрителя. А почти физиологическое отвращение. И это свидетельство полной победы актрисы.

В. ШОРОХОВ.

ла, дети — не самое главное, хотя она все время и говорит о них, призывает воспитывать молодежь, отличает молодых учителей, допускающих, по ее глубокому убеждению, недозволенные вольности в одежде, в поведении.

Серафима Ивановна — Романенко живет в каком-то особом ритме, отличном от тех, в которых живут все остальные герои спектакля. Создается впечатление, что она все время куда-то торопится. Появилась, бросила несколько фраз, часто двусмысленных, — и побежала дальше. В этом жизненном ритме преобладает мельтешение, ответственная торопливость. Суебивая походка, быстрый, ни на чем долго не задерживающийся взгляд острых глаз, блуждающая улыбочка на тонких, злых губах, настороженность движений — постоянные спутники Серафимы Ивановны, неотъемлемые атрибуты ее внешнего облика.

Вот она остановилась около двора Ковязиных. Увидела Тамсю Степановну, посочувствовала, бросила незаметно короткий взгляд на развешенную на

кую) состоит в том, что она в жизни не на своем месте. Но быть не на месте — это еще не самое страшное, если человек в силах осознать случившееся. Страшно другое: когда человек убежден, что его призвание именно в этом, что он живет и поступает правильно.

Серафима Ивановна, какой рисует нам ее Е. Романенко, — не просто мещанка. А воинствующая, уверенная в своей правоте, убежденная в собственной непогрешимости. Она искренне верит, что воюет с пошлостью, цинизмом, проявлениями мещанства.

Больше всего ей бы хотелось, чтобы все учителя (и ученики тоже) были, как поленья во дворе, один к одному. Отступление от стандарта в мышлении, в поведении, привычках пагает Серафиму Ивановну, потому что ее одностороннее сознание не может терпеть противоречивой диалектики жизни.

Жизнь переменилась, а Серафима Ивановна осталась той же, как и десять лет тому назад. Как бы ни менялась жизнь, авторитет учителя должен оставаться

28